

Т.И. Трошина

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Петр I стремился сформировать в России жесткую систему сословий. В частности, дворянство, которое получило свои известные привилегии только в середине XVIII века, должно было стать служилым сословием. Предполагалось создать и отдельное военное сословие, которое стало бы самовоспроизводящейся базой для профессиональной армии. Дело в том, что европейская «профессиональная армия» рекрутировала в свои ряды «маргиналов» то есть людей, которые в силу своих личных психологических особенностей или в результате каких-либо внешних факторов покидали свои сословия и пополняли число солдат. Подобные маргиналы были и в среде русского народа, но географическое положение России давало таким людям более привлекательные по сравнению с солдатской муштрой альтернативы. Например, можно было стать казаком или вольным хлебопашцем в приграничных, «свободных» территориях. Поэтому император решил сформировать особое сословие, в которое переводилось бы в порядке государственной повинности определенное количество мужчин (если они имели жену и детей — то вместе со всем семейством) из податных сословий. Мальчики из солдатских семей с детства приучались бы к военному мастерству, а у самых толковых из них был шанс стать офицерами. Девочки заранее готовились в жены солдатам.

Следует сразу оговориться, что этот проект до конца осуществлен не был. Солдаты были не очень желательными женихами, почему многие из них не имели возможности завести се-

мью. Пополнение воинского «сословия» за счет воспитанников домов для подкидышей и беспризорников также было недостаточным. В результате система рекрутского набора просуществовала вплоть до ее отмены и перехода к всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Рекрутская повинность была государственной натуральной повинностью, которую несло податное население России, причем весьма тяжелой. В густозаселенных районах страны после объявления о рекрутском наборе происходили массовые побеги молодых мужчин, опасавшихся солдатчины. Вместо них, конечно, брали других. В результате побегов и наборов происходило уменьшение мужского населения, а соответственно, и сокращение рождаемости, что резко бросалось в глаза современникам. М.В. Ломоносов, объясняя периодическое сокращение населения России, отмечал, что «побеги... бывают более от помещичьего отягощения крестьян и от солдатских наборов»¹.

В северных районах убежать от рекрутчины было не принято, поскольку в условиях малонаселенности замена беглеца происходила другим молодым мужчиной-работником из этой же семьи, что населением не поощрялось. Были, по-видимому, другие способы ухода от рекрутского набора. Депутат в Уложенную комиссию Екатерины II от крестьян Архангелогородской провинции Ив. Чупров в своем наказе отмечал, что «в волостях и деревнях... очередные, избывая службы рекрутского набора, глаза травят, персты рубят и кричат»². Распространена была отдача в солдаты нежелательных элементов.

Из того же наказа видно, что нередко, пользуясь своим большинством на сходах, крестьяне отправляли в рекруты наиболее благополучных и зажиточных крестьян. Депутат рекомендует ввести правило, по которому изуродовавшие себя рекруты все равно призывались бы на службу, «на какую сгодятся». Чтобы обезопасить от произвола односельчан зажиточных крестьян в условиях существовавшего на Севере самоуправления, депутаты просили ввести систему денежной замены натуральной повинности или, на худой конец, разрешить государственным крестьянам покупать крепостных людей для отдачи их вместо себя в солдаты³.

Для ограничения торговли людьми во время рекрутских наборов с 1766 г. был введен запрет на продажу дворовых в течение трех месяцев перед началом набора. Были также введены запреты на приобретение крепостных лицами недворянского происхождения. Однако желающие откупиться от воинской повинности выискивали другие лазейки. Так, в списке рекрутов за 1766 г. по Архангельской губернии упоминаются отданные «в зачет рекрута» «отпущенный на волю дворовый человек солдата Московского пехотного полка», «отпущенный на волю дворовый человек поручика морского флота» и так далее⁴. Можно предположить, что такой «отпуск на волю» на самом деле был закамуфлированной продажей крепостного человека крестьянскому обществу.

Тяжелая рекрутская повинность иногда заменялась другими видами повинностей в пользу государства. От рекрутства были освобождены ямщики, обязанные обслуживать почтовые тракты (в Архангельской губернии такой группы населения не было), лоцманы, занимающиеся охраной и обслуживанием корабельных казенных лесов. В 1764 г., после секуляризации монастырских и церковных земель, чтобы облегчить духовным феодалам потерю крепостных работников, были выделены «архиерейские и монастырские служители», которые взамен рекрутства должны были отбывать повинность барщины в пользу архиерейских домов и монастырей. Лоцманы, а также шкиперы и матросы на морских судах выплачивали денежную компенсацию вместо военной службы. При этом в случае военных действий они обязаны были переходить на государственную службу.

Впоследствии, во время реформы государственных крестьян 1830—1840-х гг., от рекрутской повинности были освобождены семьи крестьян, служащих «по выбору» в органах местного управления. Введена была также льгота — от 3 до 5 лет — для переселенцев; кроме экономических причин, такая мера объяснялась опасением, что «общество» может принять к себе нового члена с корыстным намерением отдать его в солдаты вместо своего человека. Впрочем, избежать корыстного (хотя и с другой целью) интереса не удавалось: в середине XIX века отмечались случаи, когда молодые люди, чтобы избежать рекрутчины,

«записывались» в колонисты Мурманского берега, а сами проживали в других местах. Освобождение от рекрутской службы распространялось и на государственных крестьян, закончивших образование в сельскохозяйственных школах, устроенных для них правительством в Архангельской и Вологодской губерниях. Такая льгота была введена с целью распространения агротехнических знаний в среде казенных крестьян. Льгота по поставке рекрута сроком на 15 лет предоставлялась семьям, в которых уже был взят рекрут либо член семьи погиб или потерял здоровье на воинской службе.

По закону право отдачи в рекруты предоставлялось самому обществу — городскому или крестьянскому. Главное, чтобы рекрут по годам, росту и состоянию здоровья соответствовал предъявляемым требованиям. Это позволяло отдавать в солдаты социально наименее значимых членов общества. Выше говорилось, что в среде северных государственных крестьян были случаи «отдачи в солдаты» благополучных крестьян. Однако к концу XVIII века здесь «сверху» формируется община с системой круговой поруки, при которой уплата налогов за неимущих ложилась на остальных членов общества. По свидетельству современника, «в солдаты редко отдают людей порядочных, а обыкновенно ленивцев, порочных и нерадивых к своей должности»⁵. Например, бобыли, то есть безземельные крестьяне, за которых другие общинники вынуждены были уплачивать подушную подать и выполнять другие повинности, чаще всего «отдавались в солдаты»⁶, поскольку переход в другое сословие приводил к прекращению взыскания с этого человека всех видов налогов⁷. Общество было заинтересовано не только в избавлении путем передачи «в солдаты» от непутевых своих членов, но и в сохранении таким образом хороших работников. Чтобы не было злоупотреблений при отдаче в солдаты молодых людей не по очереди и против их желания, властями обязательно требовалось обоснование таких действий.

В 1771 г. в Архангелогородскую канцелярию поступило доношение крестьян Курейской волости с предложением отдать, с общего мирского согласия, находящихся в Петербурге крестьян Семена Глотова 36 лет, Андрея Шельпина 20 лет, Ивана Буянова 16 лет, Василия Корельского 38 лет «в зачет будущих рекрут-

ских наборов, или, если в службу годными не окажутся, то на поселение или в казенную работу, так как они находятся в Санкт-Петербурге без паспортов, находятся в пьянстве и в других шалостях и непотребностях, а единственно бобыли, и подушных и протчих податей не платят, а принуждены оные платить миром»⁸. И подобных приговоров много.

Вот пример приговора 1838 г. Пинежского градского общества об отдаче за дурное поведение в рекруты мещан⁹: «Из среды нашего общества мещанин П.Д. Горшков 30-ти лет поведения распутного, не домостроителен, нравственность имеет дерзкую, склонен к пьянству и был уже двукратно судим за беспаспортное в Санкт-Петербурге проживание, и по распоряжению Архангельской палаты гражданского и уголовного суда наказан был телесно через нижних полицейских служителей с лишением честного имени, а посему его, Горшкова, как не обратившегося от дурного поведения, более в своем градском обществе иметь уже не желаем...»; «мещанин Семкин 17-ти лет, поведения дурного, недомостроителен, состояния посредственного, склонен к воровству»; в случае негодности их к военной службе градское общество ходатайствует о ссылке их на поселение.

Можно предположить, что переход в солдатское сословие был единственной возможностью вырваться из замкнутого и жестко регламентированного крестьянского мира, и отдельные «маргиналы» были не жертвами такой «отдачи», а сами этого желали. Так, в 1766 г. был определен в солдаты крестьянин «по молодости лет и по желанию его», который «отправился в низовые города по паспорту для прокормления, и там празднично шатался с просроченным паспортом»¹⁰. В 1830-е гг. губернатором было утверждено решение, принятое по заявлению онежского крестьянина, давшего согласие на отдачу его сына в солдаты; в качестве подтверждающего документа представлена подписка сына, в которой «он говорит, что он к крестьянским работам не привык, в доме отца своего более шести лет не жил, государственные подати не платил и время проводил где случится, за что был сужден и не исправился, закоснев в своем распутстве и праздности, по свидетельству отца его, с самого детства»¹¹. В решении сказано, что «по желанию отца его и собственного его согласия, отдать в военную службу с зачетом очереди за его

семейством. Если не подойдет в военную службу, отправить на поселение в Сибирь». Интересно, что деньги на жалование, продовольствие и амуницию рекрута, которую обычно собирали в складчину односельчане, в данном случае внес отец.

«Охотники» нередко сами искали те общества, которые бы наняли их для рекрутской службы на выгодных условиях. Для оформления добровольца взамен «очередного» рекрута необходимо было представить документ от общества, к которому доброволец был приписан, что недоимок по податям за ним не числится. Так, «архангельский мещанин Колупаев договорился с мещанином Е.А. Ярыгиным, что тот пойдет добровольно в рекруты в счет будущего набора за семейство Колупаевых. Колупаевы уплачивают Ярыгину 330 руб., часть ему надо на уплату долга, часть жене; до поступления в рекруты Колупаевы берут его на свое иждивение, платят за него подати и повинности; уплачивают в казну полагающиеся деньги за обмундирование и жалование рекрута». Судя по документам, Ярыгина угнетало зависимое мещанское положение; заработать денег он не мог, поэтому за ним постоянно были налоговые недоимки, вследствие чего общество не давало ему разрешения на получение паспорта. Он устроился без документов на иностранное судно, но был задержан и подвергся телесному наказанию¹².

Бывало в солдатской службе искали спасения от ненавистной семейной жизни, в случае насильственной женитьбы.

С 1806 г. исключенных за дурное поведение из духовного звания также, при условии хорошего здоровья, отдавали в солдаты. Такая судьба ждала холмогорского дьячка Ивана Павлова, наказанного за неоднократные побеги из Веркольского монастыря, куда был определен «на черную работу за пьянство и другие законопротивные поступки»¹³.

Дворяне также не были избавлены от солдатчины в форме наказания за дурное поведение. Так, в 1832 г. архангельский «коллежский регистратор А. Морщихин 32 лет, избалованный в пьянстве, буйственном и развратном поведении, за которое он наказан был исключениями из службы»¹⁴, приговорен был к лишению чинов и дворянства и отдан в военную службу. «Чиновники Шенкурского казначейства, за растрату свыше 12 руб-

лей, были лишены чинов и дворянства, отправлены в военную службу, в какую годны — если не годны, то на поселение»¹⁵.

Итак, сословия имели право отдавать своих «непутевых» членов в солдаты в виде наказания. Для крестьян и мещан это было заменой предоставления «натуральных» рекрутов, для привилегированных сословий — форма административного наказания. Помещичьи и удельные крестьяне направлялись в рекруты по решению собственных хозяев, которые также пользовались этим правом, чтобы избавиться от лиц с отклоняющимся от общепринятого поведением.

Однако существовала и форма наказания уголовных преступников путем «отдачи в солдаты». Можно себе представить, какой «человеческий материал» оказывался в руках у унтер-офицеров, которым предстояло сделать из него тех самых «чудобогатырей» — славных русских солдат. Невольно задумаешься, а так ли уж неоправданны были жесткие методы муштровки и наказаний, принятые в русской армии и вызывавшие возмущение у демократической общественности...

В 1823 г. по ходатайству командующих армиями был введен запрет на прием «в военную службу бродяг и преступников»¹⁶, из среды которых в армии чаще всего выходили дезертиры, мародеры, военные преступники.

В 1820 г. государственные крестьяне Архангельской губернии получили наконец-то льготу, о которой ходатайствовали в течение многих десятков лет. В Указе Александра I, в частности, говорилось: «Принимая во уважение, что Архангельская губерния, занимая в себе обширное пространство земли, имеет несоответственное оному население, простирающееся токмо до 82 тысяч мужского пола душ, платящих государственные повинности; что население сие, быв произведено с большим трудом, время от времени чувствительно уменьшается; что обитатели отдаленных мест встречают крайнее затруднение в сообщении не только с губернским, но и самым уездными городами, а некоторые из них производят рыбные промыслы в отдаленных водах, бывают в продолжительных от домов своих отлучках, не позволяющих им иногда возвратиться на время рекрутских наборов; что в обыкновенные наборы... собирается в Архангельской губернии только 164 человека, количество столь малозна-

чительное...; что с освобождением от сей повинности обывателей Архангельской губернии доставлены будут новые способы к усилению торговли главного ея порта», император повелел «Архангельскую губернию от поставки рекрут натурой освободить, обществам или семействам, состоящим на очереди, предоставить отдавать рекрута натурой, буде того пожелают; отдачу в рекруты людей за распутное поведение оставить на прежнем основании»¹⁷. Вместо отдачи рекрута «натурой» было разрешено выплачивать по тысяче рублей ассигнациями (или 300 рублей серебром) за каждого рекрута, полагающегося с тысячи душ мужского населения. Даже в середине XIX века с губернии полагалось около 350 рекрутов, или 106 тысяч рублей деньгами. Интересно, что деньги на замену поставки натуральных рекрутов иногда давали благотворители. Например, купец А. Попов завещал определенную сумму своим землякам, мещанам города Колы, на выплаты взамен поставки рекрутов¹⁸.

Денежные выплаты в казну взамен поставки рекрутов были отменены для русского населения Архангельской губернии в 1862 году.

Что касается малых народов Севера, то карелы и коми выполняли рекрутскую повинность наряду с русскими, ненцы были освобождены полностью, а лопари указом 1813 г. выплачивали, вместо предоставления «натурой», по 500 рублей за рекрута.

Сумма в тысячу рублей была очень велика. В первой половине XIX века, когда Архангельский край переживал экономический бум, многие крестьянские и мещанские семьи могли себе позволить выплатить такие деньги, чтобы сохранить работника. Однако сокращение заработков и обеднение населения вело к тому, что все меньше семей могли заплатить в казну полагающийся откуп. При этом каждый молодой человек, кому выпал черед идти в солдаты, стремился любыми способами уйти от этой повинности. Очевидно, мы сталкиваемся с ситуацией, сходной с сегодняшней: если бы воинская служба была обязательной, без каких-либо возможностей ее избежать, то молодежь относилась бы к ней как к малопривлекательной, но обязательной процедуре. Поскольку была возможность избежать службы, то каждый молодой человек, который вынужден был идти служить, считал себя неудачником. Поэтому рекруты заключали крайне

невыгодные для себя договоры с богатыми земляками, чтобы те заплатили за них военный налог. Деньги для большинства крестьян в условиях натурального и полунатурального хозяйства были предметом абстрактным, и заработок в 20—30 рублей за полевой сезон считался вполне хорошим. Таким образом, молодые люди загоняли себя и других членов своей семьи в кабалу на несколько лет, чтобы отработать уплаченные за них в казну деньги.

Например, в 1850 г. братья А. и Г. Осиповы заключили условие с крестьянином И. Шумовым, по которому Осиповы получали от него 85 руб. 71½ коп. для внесения в рекрутское присутствие и обязались за эту сумму три года работать на его рыбных промыслах в течение весенних, летних и осенних месяцев, с собственной одеждой и обувью, без права требовать от хозяина уплаты за них податей и других денежных сборов¹⁹.

В 1858 г. одно из подведомственных Архангельской Казенной палате управлений донесло, что «в Федоровском обществе с незапамятных времен вошло в обыкновение всегда при рекрутских наборах за неимением наличных денег отдавать состоятельным крестьянам всех работников семейства в наймы на продолжительные сроки за самую низкую плату единственно для того, чтобы собрать известную сумму денег на взнос вместо натурального рекрута, но этого при малолетних семействах недостаточно: подлежащие рекрутству крестьяне отдают на продолжительные сроки свои земельные участки из самой низкой платы за оные, за бесценно распродают домашний скот, земледельческие орудия и запасный на обсеменение яровой хлеб, и за взносом в казну 300 рублей за рекрута целые семейства годных к работам идут в наем, а престарелые и малолетние, по неимению средств, первоначально скудно призываются ближайшими родственниками, а когда приходят опять в тягость, идут просить милостыню»²⁰.

Возможность «ухода» от воинской службы была и путем «найма охотника», то есть добровольца, готового за определенную сумму отслужить за того, кому подошел рекрутский черед. Это было значительно дешевле, чем выплачивать официальную сумму в казну. «Охотнику» платили авансом от 30 до 100 рублей, оговаривались и некоторые другие условия. Если «охот-

ник» нанимался по договору с конкретной семьей, то есть шел служить за того, кому подошла очередь, то договор оформлялся официально, через волостное правление. Нередко семья, нанявшая «охотника», обязалась оказывать материальную помощь его семье в течение всего срока службы. Иногда и сельское общество выискивало себе выгоду, затребовав за такое нарушение правила 50—70 рублей с наемщика, но тогда уже общество обязано было оказывать помощь семейству солдата.

«Охотниками» были обычно люди, имеющие обременительные долги, либо желающие вырваться из крестьянского сословия, даже такой ценой. Если же в рекруты отдавали «по приговору общества» какого-нибудь хулигана, мелкого вора, пьяницу и лентяя, то семья, чья очередь подошла отдавать сына в солдатскую службу, обязана была выплатить «обществу» определенную сумму, а также уплатить все причитающиеся за отданного в рекруты долги и налоги.

Как уже говорилось, крестьянское или мещанское общество вольно было отдавать в рекруты любого своего члена, лишь бы возрастом (не моложе 17 и не старше 35 лет), ростом и здоровьем он соответствовал предъявляемым к рекрутам требованиям. Многочисленные жалобы на злоупотребления в деле передачи в солдатскую службу заставили власти ограничить права общества. Так, чтобы не перегружать армию 30-летними (по представлениям того времени — уже пожилыми) мужчинами, было рекомендовано брать в армию в возрасте 21 года, и только при недостатке рекрутов таких возрастов брать более старших. Кстати, в связи с частой браковкой «за невозможностью» новобранцев-северян, здесь брали в солдаты с 22 лет, и ростом на полвершка ниже установленного (то есть, если рост рекрута не должен быть ниже 158 см, то северян брали и с ростом 155 см).

С 1840-х гг. в казенных и удельных деревнях и среди мещан была введена система жеребьевки, причем все молодые люди, в зависимости от количества сыновей в семье, делились на три категории. Те, у кого в семье оставались трудоспособные отец и братья, тянули жребий в первую очередь. «Одиночек» присоединяли для жеребьевки к «многосемейным»: при такой системе бедняк имел больше шансов отправиться в армию, но при этом на обеспеченную семью ложились расходы по содержа-

нию его родных. «Подмена», то есть отправление на службу не по очереди, происходила только по желанию самого «подменщика», а также членов его семьи и всего общества.

При такой системе молодой человек уже с детства знал, насколько велик для него шанс попасть «в солдаты». И матери традиционно с особой любовью и жалостью относились к третьему сыну, предчувствуя разлуку, особенно если парень был хорошего роста и отменного здоровья. Таких сыновей обычно баловали, а последний год перед набором не утруждали тяжелой работой. По свидетельству современника²¹, «последний год перед службой для рекрута зачастую сплошной угар, почти непрерывная пьяная горячка. Его окружают необъятной заботливостью, чрезмерной, до приторности, угодливостью. Почти все желания, даже не безразличные в материальном смысле, исполняются неукоснительно. ... На проводы рекрута съезжаются из всех деревень — человек 300—400, а пьяные отцы едут с сыновьями до присутствия — проводить сына, если возьмут». «Рекрутствовать» означало пьянствовать и дебоширить, прощаясь со свободой и привычным образом жизни. «Пускай погуляют — ведь стеновые!» — говорили в Холмогорском уезде, где сохранился древний термин «стеновой», означающий «казенный, государственный».

Явно бросалось в глаза несоответствие между поведением гуляющих рекрутов и их эмоциональным состоянием. По косвенным свидетельствам чиновников Холмогорского уезда, на лицах рекрутов можно было видеть отчаяние и страх, который они старались маскировать «притворною удалью, пьянством, буйством, дракою и тому подобными безобразиями»²².

При этом срок службы солдат постоянно сокращался; у них был шанс, отслужив определенное число лет, вернуться на родину на положении «бессрочно-отпускных» и зажить крестьянской жизнью, имея при этом льготы по уплате налогов и повинностей. Жены солдат имели возможность получить паспорт и уехать на жительство в город. Правительство стремилось сделать воинскую службу даже привлекательной — но безрезультатно. Узость кругозора крестьянина формировала у него просто панический страх перед переездом на другое место жительства, переходом в другое сословие. Даже вернувшись на родину,

солдат оставался «отрезанным ломтем». Его социальное положение резко менялось; по свидетельству этнографа П.С. Ефименко²³, вернувшимся солдатам оказывалась материальная помощь, но полноценными членами общества они так и не считались.

Существовавшая система рекрутского набора подталкивала семьи иметь больше детей, чтобы не остаться без работников. Чтобы лишить крестьян возможности уходить от призыва путем раздела больших патриархальных семейств на малые семьи с одним-двумя работниками, такие разделы законодательно были запрещены и разрешались только по решению общего собрания, заверенному Казенной палатой. С другой стороны, чтобы поощрять вдовых крестьян и мещан к повторным бракам и рождению новых детей, единственный сын от первого брака пользовался правами по освобождению от службы, независимо от наличия единокровных или единоутробных братьев.

Итак, назначение рекрутов первоначально производилось решением общего собрания, но такая система приводила к многочисленным злоупотреблениям. Закон 1840 года ввел изменения в рекрутской системе для государственных крестьян²⁴. В волостных правлениях составлялись призывные списки, которые проверялись каждые четыре месяца на сельских сходах, где оспаривались все допущенные ошибки. Когда объявлялся военный набор, все указанные в рекрутских списках были обязаны явиться и вынуть жребий. Закон детально регламентировал эту процедуру: билеты с номерами должны были быть одной формы и из одной бумаги; урна прозрачная; волостной голова вызывал по списку человека, который должен был обнаженной рукой достать жребий и показать голове номер. Тут же производилось измерение роста и освидетельствование здоровья. Отдатчики предоставляли рекрутов вместе со списками в Рекрутское присутствие. Здесь опять проверялись рост и здоровье, но права оспаривать списки не имели. Родители могли производить замену рекрутов другими членами семейств, призываемые могли нанять за себя «охотника» или представить купленные зачетные квитанции. Общество сохраняло право представлять в рекруты членов дурного поведения. Губерния была разделена на 85 участков с примерно равным числом мужских «душ», с

которых податное население обязано было предоставлять рекрутов. Крестьянские и мещанские общества направляли в приемные пункты, расположенные в уездных городах и в Архангельске, указанное число рекрутов и «подставных» к ним, на случай если очередники будут забракованы медицинской комиссией.

Обследование рекрутов происходило комиссионно, с целью устранить возможные злоупотребления и взяточничество. Власти опасались не столько несправедливости в действиях комиссии (хотя, безусловно, недовольство населения в случаях, когда за взятку рекрута объявляли неспособным к службе и вместо него брали другого, было нежелательным), сколько того, что из корыстных побуждений на службу будет взят заведомо к ней негодный. На этот случай в комиссии существовала круговая порука. Если на службу принимался бракованный рекрут, то наказывали всех членов комиссии, за исключением тех, чей протест был занесен в протокол: «За каждого рекрута, имеющего недостатки, — говорится в Положении департамента военных дел от 1810 года, — взыскивать по пять сот рублей с тех, кои находились при приеме, со всех сообща, а не с каждого порознь. Воинских чиновников и медицинских обойти чином, не употреблять впредь в рекрутских наборах и штраф сей вносить в формулярный список. Освобождается от взысканий всякий приемщик, подавший голос о забракованном рекруте»²⁵.

Войны сильно подрывали армию, количество рекрутских наборов увеличивалось, и брали уже менее разборчиво, чем в мирное время. Так, до войны 1812 года старались брать в солдаты лиц, внешне привлекательных. Судя по Указу Сената 1813 г., требования резко снизились: «...допускать к приему в рекруты людей, имеющих телесные пороки или недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию, владеть ружьем, т. е. не браковать: редковолосых; разноглазых и косых (ежели только зрение позволяет прицеливаться ружьем); имеющих бельмо или пятна левого глаза, лишь бы правый был совершенно здоров; заик и косноязычных, если только могут сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6 или 8 зубов боковых, лишь бы только в целости были передние, для скусывания патронов необходимых; с мало выраженными на

черепе наростами, не препятствующих носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если не затрудняется в свободной и скорой ходьбе; имеющих на левой руке один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем...»²⁶

Судя по рекомендациям для медицинских комиссий, где четко прописывались все возможные способы симуляции, можно предположить, что рекруты шли на разные ухищрения, чтобы быть забракованными комиссией. В случае обнаружения симуляции такого рекрута все равно забирали в армию, определяя к самым тяжелым воинским работам.

Общество было обязано обмундировать рекрута за свой счет, снабдить его на дорогу продовольствием, дать денег «на водку», а по желанию общества — и «наградными» деньгами. В начале XIX века отправка рекрута обходилась обществу в 50—80 рублей²⁷.

Первоначально рекруты принимались в обычной крестьянской одежде. Позднее было дано распоряжение принимать их в специально оговоренной форме: «Чтобы вся одежда была просторна, из сукна моченого и сколько можно добротного. Цвет — серый, белый, смурой, даже черный. Полная обмундировка рекрута — кафтан солдатского покроя с обтяжными пуговицами и стоящим воротником; панталоны суконные на холстяной подкладке; суконный галстук с манишкой, суконный ранец, фуражка, одна пара новых сапог твердой кожи дегтем смазанных с подвертками летними и зимними, одни рукавицы, две рубахи и двое портков; шинель такого же сукна, как кафтан». Общество, «отдающее» рекрута, должно было само заказать эту форму либо внести сумму в губернское управление, которое занималось этими вопросами. Однако на этих поставках было замечено много случаев коррупции, когда чиновники давали заказ на шитье формы по явно завышенным ценам, нанося тем самым значительный урон казне. С 1818 г. рекрутов вновь стали принимать в «своей» одежде, а «отдатчики» обязаны были вносить по 60 рублей на обмундирование²⁸. В середине XIX века на обмундирование взыскивалось с «отдатчиков» 11 рублей.

В Архангельской губернии, в связи с небольшим количеством предполагаемых к сбору рекрутов, в некоторые годы призыв

отменялся, поэтому при объявлении призыва количество рекрутов, подставных к ним, а также «отдатчиков» — то есть представителей общества, которые доставляли рекрутов на участки и вели переговоры по их приемке, — значительно увеличивалось. Поскольку рекрутские участки находились в уездных городах, то все эти люди должны были жить, иногда в течение длительного времени, на съемных квартирах. Это еще более увеличивало расходы общества на отправку рекрутов, поскольку владельцы постоянных дворов и торговцы, стремясь нажиться на приезжих, поднимали цены на свои услуги и товар. Во избежание подобных осложнений уездные начальники вводили на весь период приемки рекрутов фиксированные цены на квартиры, съестные припасы и фураж²⁹.

Принятые комиссией рекруты распределялись по воинским частям: самые высокие и здоровые отправлялись в гвардию и гренадеры. Рекрутов из Архангельской губернии традиционно брали во флот, и только с 1820-х годов восточные, традиционно охотничьи уезды стали поставлять солдат в стрелковые части.

В 1874 г. впервые был проведен набор по новой системе — обязательному бессловному воинскому призыву. Это было вызвано новыми потребностями государства, нуждающегося в многочисленной, модернизированной, менее обременительной в финансовом отношении армии. Новый принцип призыва был более справедливым. Вместе с тем он означал усиление индивидуализма. Если при рекрутском призыве человек был жертвой обстоятельств, то теперь от него самого зависело, будет ли он служить в армии и какой срок. Разрушение рекрутской системы означало фактически разрушение и замкнутой сословной системы российского общества. Вместе с новым принципом набора в армию, Россия вступила и в новую эпоху.

** Статья написана в рамках исследования, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Архангельской области (проект № 06-01-48101 а/С).*

¹ Ломоносов М.В. О размножении и сохранении Российского народа (цит. по: Селевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — п.п. XIX вв.: Т. I. СПб., 1888. С. 7).

² Камкин А.В. Дополнение к крестьянским наказам в Уложенную комиссию // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Вып. III. Вологда, 1980. С. 94.

³ Селевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII — п.п. XIX вв.: Т. I. СПб., 1888. С. 98.

⁴ ГААО. Ф. 1 (Канцелярия Архангельского губернатора). Оп. 1. Д. 6861, 6862 (Дело о зачете в рекруты... 1766 г.).

⁵ Болтин Ив. Примечания на историю древняя и нынешняя России: Т. 2. СПб., 1788. С. 314.

⁶ Коньков Н.Л. Двинские чернососные бобыли XVIII века // Историография и источниковедение истории Северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник: Вып. VII. Вологда, 1979. С. 78.

⁷ ГААО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 6044 (Дело о зачислении в рекруты крестьянского сына Сергея Дружинина); 1763 г.; Д. 6043 (Дело о доставлении квитанции для зачета в будущей набор рекрута. 1763 г.); Д. 6868 (Дело о приеме в рекруты... 1766 г.).

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8329. Л. 7—7 об., 20—20 об.

⁹ ГААО. Ф. 394 (Архангельское губернское рекрутское присутствие). Оп. 1. Д. 81. Л. 1—3.

¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6858 (Дело о зачислении в рекруты... 1766 г.).

¹¹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 10 «г». Л. 28—29.

¹² ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 10 «г». Л. 13.

¹³ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 10 «г». Л. 10.

¹⁴ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 10 «г». Л. 25 об.

¹⁵ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

¹⁶ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁷ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 50—52.

¹⁸ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 319. Л. 225.

¹⁹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: Т. II. М.—Л., 1958. С. 168.

²⁰ Наем рекрута в половине XIX века в Архангельской губернии. ИАОИРС, 1912. № 16. С. 733.

²¹ Иванов А.Г. Рекрутчина в низовьях Печоры. ИАОИРС, 1911. № 6. С. 495.

²² ГААО. Ф. 1200 (Архангельское губернское по воинской повинности присутствие). Оп. 1. Д. 8. Л. 132.

²³ Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1868.

²⁴ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: Т. II. М.—Л., 1958. Стр. 38—41.

²⁵ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.

²⁶ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.—5.

²⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: Т. I. М.—Л., 1946. — С. 51.

²⁸ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об.—7, 23 об.—25.

²⁹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 9. Л. 6—6 об.